

„Дали неоглядные“

Спектакль Ленинградского
Большого драматического
театра имени М. Горького

С большим волнением встречает наша общественность каждый новый спектакль, новый кинофильм или книгу о событиях сегодняшнего дня.

Последнюю работу коллектива Ленинградского Большого драматического театра имени М. Горького — спектакль «Дали неоглядные» Н. Вирты ленинградский зритель ждал с большим нетерпением: ведь пьес, рисующих жизнь современной колхозной деревни, чрезвычайно мало в репертуаре ленинградских драматических театров.

И вот мы на спектакле. На сцене темно. Только неоновый, колеблющийся свет керосиновой лампы кидает причудливые тени на лица сидящих вокруг стола людей. Двое из них — невысокий мужчина с хитро прищуренными,avorовато бегающими глазами, и грубая, подобострастно улыбающаяся женщина — настроены явно недоброжелательно к сияющему чуть поодаль широкочелюстому человеку в белых бусах. С первой минуты мы ощущаем острое столкновение героев, непримиримый конфликт подчеркивается сразу динамичной, графически выверенной мизансценой, напряженным ритмом отрывистой речи. И вдруг действие прерывается — прямо из зала на сцену врывается худощавый человек в роговых очках.

— Вы не смеете! Я автор! Почему вы начали пьесу чуть ли не с конца? — возмущается он.

— Вы написали пьесу о борьбе сердца и ума, о нашем движении вперед. Разве возможен конец этой борьбе и движению? — торжко возражает автору пьесы один из ее персонажей. Так завязывается этот необыкновенный диалог автора с

действующими лицами пьесы, так театр начинает серьезный разговор со зрителем.

«Деревенская жизнь — моя главная и любимая тема», — признавался как-то Николай Вирта. И действительно, пьеса «Дали неоглядные», написанная драматургом по основе его же романа «Крутые горы», создана человеком, хорошо знающим жизненный материал.

С главным героем пьесы и спектакля — агрономом передового совхоза Матвеем Ивановичем Хижняковым — мы знакомимся в переломный момент его жизни: Хижнякову совершенно неожиданно предлагают возглавить самый отстающий в области колхоз «Крутые горы», где люди потеряли веру в себя, в свои силы, в важность колхозную жизнь. Именно это неверие — одно из самых страшных зол, доставшихся Хижнякову в наследство от его горе-предшественника. О борьбе за самое ценное богатство — за возвращение утраченного доверия — и рассказывает драматург в своей пьесе.

В решении основного конфликта пьесы режиссеры И. Владимиров и Р. Сирота пошли по пути сознательного заострения. В спектакле подчеркнуто значение борьбы Хижнякова за подъем хозяйства в «Крутых горах», за коммунистический стиль в работе, борьбы, в ходе которой по-

разному раскрываются человеческие судьбы и характеры героев.

Мы не обмолвились, не случайно уронили слово «рзгонар». Да, это именно серьезный, страстный, убежденный разговор театра со зрителем о жизни советской деревни, о судьбах простых людей-тружеников, о борьбе сердца и ума. И с самого начала все — занавес из грубого холста, по которому разбросаны тяжелые золотые колося, ленинский лозунг над порталом сцены «Борьба за хлеб — борьба за социализм», лаконичное, построенное на ярких деталях оформление (художник В. Иванов) — нарушает привычную театральную обстановку и сразу собирает, внутренне мобилизует зрителя.

Мы очень внимательно, с тревогой следим за судьбой Хижнякова, которого убедительно играет Н. Семилов. Мы не можем оставаться равнодушными, когда вокруг человека, борющегося за правду, плетется грязная сеть интриг. Глубоко сочувствуем мы ему в сцене собрания, когда колхозники то склоняются поверить в глубокие знания и опыт Хижнякова, а главное — в его искреннее желание поднять колхоз, то пугаются: ведь не здешний он, из пришедших, «варяг», будет ли он всей душой болеть за их землю, за людей, которых видит здесь впервые.

Центральные и второстепенные образы в этой сцене глубоко запоминаются, потому что каждый из них четко индивидуализирован.

Завязка и путаница в словах, чьяте бывший председатель Степкин (Е. Лебедев) свой отчетный доклад — набор штампованных фраз, насмех выдернутых, откуда-то — выловко дви-

гаясь в вятных штапах и тужурке, вышел на трибуну колхозник Арфед Поздняков, по прозвищу Утвержда-тель (В. Кузнецов). Волнуясь, говорит о главном: «Нам бы председателя Бяшквитого, врад бы ожил». Здесь же сидит и Отрицатель, так называют колхозники Никиту Стрешнева, монументальный, как будто высеченный из камня, мудрый, лукавый и какой-то по-своему озорной русский мужик. Таков он в преподобном исполнении А. Ларикова. Не доверяет он Хижнякову: с чего бы это пошло его в самый отстающий колхоз? Но присматривается и он к делам Хижнякова, и когда позже Попов и Косачева предлагают Стрешневу подписаться под клеветнической статьей, он гневно отказывается.

Или вот другая сцена — бывший председатель Степкин и его «сподвижники» Косачева, чуя свой близкий крах, в пьяном угаре поют песни и частушки. В противоположной сумке, с которой Косачева почти никогда не расстается, припрятана бутылка водки. В паузах между куплетами Косачева услужливо подносит Степкину очередную стаканчик. Беспощадно разоблачают Степкина и Косачеву талантливые мастера острохарактерных ролей Е. Лебедев и Л. Волынская.

Запоминаются и другие режиссерски интересно поставленные эпизоды в ресторане, в доме у Попова. И тем не менее, просмотрев спектакль, убеждаешься, что большой и принципиальный, публицистично и по-боевому ясный разговор театра со зрителем как-то незаметно растворился в обилии броско поставленных бытовых и жанровых сцен. Исчезли приподнятость, высокий патетический нахал, а основная действенная линия — утверждение нового в деревне — несколько отошла на второй план. В то же время, непомерно

большое место заняло в спектакле все то, что связано с действующими Степкин, Попова, Косачевой и Астахова. Мы ждем, когда же, наконец, большая правда, движущая помыслами и делами Хижнякова, рожденная большевистским бескомпромиссизмом о советских людях, сметет непрочную заплуду лжи, сплетен и вырвется вперед широким бурным потоком, сметая препятствия. Автор же и театр под занавес преподносит зрителю иллюстративную финальную сцену, где Никита Стрешнев земным поклоном благодарит Хижнякова за его заботы о народном счастье. Финал индигиетический, риторичный, он разочаровывает, комкает серьезную проблему, положенную в основу пьесы. Повторяем, в значительной мере наш упрек может быть адресован и Н. Вирте.

Необходимо заметить, что театр долго, серьезно и плодотворно работал над пьесой. Так, например, сведена до минимума банальная линия взаимоотношений Хижнякова и его жены, почти ничтожно изъята сентиментально-мелодраматическая коллизия агронома Ксени и Хижнякова, а значительным, но еще недостаточным сокращениям подверглась роль Автора. Однако, думаем, что режиссура, увлекшись разобла-

чительной стороной произведения, не сумела полностью передать зрителю большой подложительный заряд пьесы Н. Вирты. И здесь не спасают положения ни интересные актерские работы Н. Ольшниковой и В. Полищевой (Ракитина и Струков), ни свежее исполнение роли молодой колхозницы Нasti артисткой Л. Макаровой, ни творческие удач других актеров, о которых уже говорилось выше. В спектакле исчезла высокая, боевая романтика приподнятость, уступив место приземленности.

Разумеется, все это несколько снижает звучание боевого и нужного спектакля о жизни советской деревни после сентябрьского Пленума ЦК партии. Всячески приветствуя инициативу театра в постановке пьесы «Дали неоглядные», хочется пожелать ему не оставлять работы над спектаклем, уже завоевавшим доверие и любовь зрителей.

Г. КАРНАУХОВА
В. ДМИТРИЕВСКИЙ

На снимке: сцена из спектакля «Дали неоглядные». Слева направо — народный артист СССР А. ЛАРИКОВ в роли Отрицателя, артистка А. МИНА в роли Марфы, заслуженная артистка РСФСР Л. ВОЛЫНСКАЯ в роли Косачевой и заслуженный артист РСФСР Е. ПОПЕЛЯН в роли Попова.

Фото Д. Мовшина

Ленинградский театр
26.11.58.